

УДК 821.161.1.09“18” – 992

МИССИОНЕР, УЧЕНЫЙ, ФИЛОСОФ, ПОЭТ: ОБРАЗ АВТОРА-ПУТЕШЕСТВЕННИКА В «ПУТЕВЫХ ЗАПИСКАХ» АРХИЕП. НИЛА (ИСАКОВИЧА)

Софья Владимировна Мельникова

к. филол. н., доцент кафедры литературы и русского языка

Пермский государственный институт искусства и культуры

614000, Пермь, ул. Газеты Звезда, 18. memuaristika@yandex.ru

Архиепископ Нил (Исакович) в литературоведении известен прежде всего как прототип главного героя рассказа Н.С. Лескова «На краю света». Настоящая статья – это попытка представить архиеп. Нила вне лесковского контекста, как самобытного духовного писателя середины XIX в. В центре внимания – автобиографические «Путевые записки» архиеп. Нила о Сибири. Это произведение – одно из лучших описаний Восточной Сибири того времени, сопоставимое с шедеврами жанра путевых заметок. Его адресат не только духовенство, но и светский читатель. Акцент в анализе произведения делается на образе автора-путешественника, чья многогранность и широта взглядов свидетельствует не только о личном таланте автора, но и о высоком образовательном и культурном уровне православного духовенства в целом.

Ключевые слова: архиепископ Нил; церковная и светская литература; путевые записки; проблема жанра; образ автора.

В качестве одного из самых продуктивных жанров документальной литературы можно назвать жанр путевых записок, или путешествия. Причины его продуктивности заключаются, прежде всего, в своего рода «демократичности» (любой человек, совершивший путешествие, может стать автором записок о нем), а также в привлекательной гибкости формы (описание путешествия допустимо в виде заметок, записок, дневника, очерка, писем и т.п.) и, наконец, в возможности воплощения самых разнообразных (познавательных, художественных, публицистических) задач в пределах одного текста. Не удивительно, что границы жанра до сих пор не определены и вызывают споры¹. Этот жанр начинает формироваться в конце XVIII в. и максимальной популярности достигает к середине XIX столетия. Среди наиболее известных отечественных «путешествий» такие разные сочинения, как «Письма из Франции» Д.И. Фонвизина, «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, «Путешествие вокруг света...» И.Ф. Крузенштерна, «Фрегат Паллада» И.А. Гончарова, «Странник» А.Ф. Вельмана, «Зимние заметки о летних впечатлениях» Ф.М. Достоевского и т.п.

Чаще всего предметом описания в путешествиях становятся отдаленные территории, прежде всего Сибирь или Камчатка, рассказ о

которых, особенно в XVIII–XIX вв., представлял значительный интерес для читателей. «Доминантой в жанровом спектре ассоциирующихся с Сибирью текстов закономерно становились структурные вариации литературного путешествия, поскольку само освоение Сибири, превращение ее в объект научного и художественного описания могли осуществиться только в результате беспрестанных перемещений по ее территории разнообразных наблюдателей – от служилых казаков и первых землепроходцев XVII века до академиков XVIII и администраторов XIX столетий» [Анисимов 2009: 24]. К наиболее значимым сибирским и камчатским путешествиям указанного периода могут быть отнесены «Странствования купца Григория Шелихова к американским берегам» Г.И. Шелехова, «Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю» Ф.П. Врангеля, «Путешествие шлюпа «Диана» из Кронштадта в Камчатку» В.М. Головнина, а также, например, «Письма из Сибири» и «Прогулки вокруг Тобольска» П.А. Словцова.

Однако при относительно высокой изученности литературных и документальных путешествий, в том числе сибирских, до сих пор мало востребованной в светской науке остается группа источников, представленная путевыми записками миссионеров. Вместе с тем это весьма обширный корпус текстов, без учета которого ис-

тория жанра выглядит неполной. Миссионерство, вынуждающее к постоянным перемещениям, было основной формой духовного служения на окраинах империи. Причем так далеко, как православные проповедники в поисках своей полудикой паствы, в дебри Сибири или Камчатки не заходили, пожалуй, ни промышленники, ни военные, ни государственные чиновники. Весьма продолжительные путешествия предпринимали и сибирские иерархи, обозревающие свои обширные епархии. Составление отчетов и журналов об этих поездках входило в служебные обязанности духовенства, что отчасти объясняет весьма высокое распространение текстов такого рода в церковной среде. Но, очевидно, что к составлению записок подталкивала и внутренняя потребность их авторов изложить на бумаге свои впечатления о многотрудных, а часто и опасных для жизни поездках, поделиться с читателями своими наблюдениями над малоизвестными сибирскими землями и народами. И потому часто такие сочинения выходили за рамки внутренних церковных отчетов, включая информацию общекультурного и научного значения (не случайно многие сибирские священники были постоянными корреспондентами РГО), а иногда поднимаясь и до уровня философского и художественного обобщения. Миссионерские записки в целом находятся в русле жанровой традиции путешествия, однако имеют некоторые особенности, предопределенные спецификой религиозного сознания. Введение этих сочинений в научный оборот представляется актуальной и значимой исследовательской задачей.

Одно из выдающихся произведений церковной путевой литературы середины XIX столетия – «Путевые записки» о Сибири преосв. Нила (Николая Исаковича)². Имя архиепископа Нила (Исаковича) в литературоведении известно преимущественно благодаря Н.С.Лескову, который называет его прототипом главного героя своего «миссионерского» рассказа «На краю света»³. Обстоятельства духовного служения архиеп. Нила действительно во многом совпадают с описанными в рассказе⁴. Как и лесковский рассказчик, Нил «довольно молодым человеком был поставлен во епископы в весьма отдаленную сибирскую епархию» [Лесков Т.И. 1989: 339], а именно обширнейшую Иркутскую епархию, охватывавшую в 40-х гг. XIX в. всю Восточную Сибирь, Якутию и Дальний Восток, вплоть до Камчатки и побережья Аляски и населенную полудикими и разрозненными племенами, с которыми Нил, как миссионер, вынужден был вступать в непосредственный контакт. Как и герой рассказа Лескова, архиеп. Нил совершает многочисленные поездки в «степь». Одна из таких по-

ездок, наиболее продолжительная и опасная, по дикой в те времена реке Лене, и составляет основное содержание «Записок».

Сибирь в сознании европейца XIX в. воспринималась как качественно иное, отличное от России во всех смыслах – географическом, экономико-политическом, историческом, национальном и ментальном – пространство. В итоге сформировался даже не образ Сибири, а ее мифологема, причем двойственная. С одной стороны, Сибирь представлялась как неизведанная страна сказочных природных богатств и неограниченных человеческих возможностей и свободы; с другой – как окраина империи, «край света», пространство вечного холода и «тюрьма без решеток», возникал, по сути, инфернальный хронотоп.

«Божественный промысл, призвавший меня на чреду пастырского служения, указал мне поприще деятельности в дальних окраинах обширного отечества нашего. От берегов Волжских до Ангары, и от Лены до Нерчи, Шилки, Онона и Аргуни, был я странником и тружеником. К местностям сим относятся записки. Издавая их в свет, не восписую им хвалы, и всю речь о них ограничиваю словами: *librum lectori dedico* – книгу читателю посвящаю» (1) – такое вступление архиеп. Нил предпосылает своим «Запискам». В нем он дает вполне традиционное определение Сибири – «дальняя окраина», выделяющее как основную ее характеристику удаленность от центра, а значит, цивилизации, а также обозначает и свое место в ней – место «пастыря, странника и труженика». Можно сказать, что все эти роли будут реализованы Нилом в его записках, что и определит их внутренний сюжет.

Преосвященный Нил, уроженец Могилева, долго живший в самом центре России, сибирское пространство изначально ощущает как «чуждое» себе. Особенно остро это ощущение проявляется в первой части записок, озаглавленной «От Вятки до Иркутска» и описывающей первое знакомство архиепископа с Сибирью. В этой части практически все дорожные впечатления владыки организованы как оппозиция «своего» и «чужого». О подобной оппозиции как об основе и в то же время конечной цели самого жанра путешествия говорил еще И.А.Гончаров в предисловии к роману «Фрегат Паллада». «Свое» для владыки Нила – это цивилизованность, «чужое» – это дикость и неумение воспользоваться благами природы, которые он повсеместно наблюдает в Сибири. Например, о реке Оби он пишет: «Любуясь зрелищем реки, спрашивал я себя: что если бы такое богатство вод протекало через южную нашу Россию, где часто на пространстве десятков верст не встретишь даже ручейка, между тем

как жизнь и деятельность кипит повсюду?..» (43).

Сибирь не удовлетворяет архиеп. Нила прежде всего с собственно эстетической точки зрения, поражая скудностью пейзажей и убожеством городов. Пресвященный испытывает даже что-то вроде стыда. Вот, для примера, описания некоторых городов:

«О Тобольском обществе не знаю, что сказать, ибо мне не пришлось видеть его и даже слышать о нем. Но, кажется, что оно не славно ни по количеству, ни по качеству своему... Такова-то старая столица Сибири!» (26).

«Но, увы! При первом взгляде на Омск утешительные надежды и все чаяния исчезают. Это второй Иерихон; вокруг него не видно ни дерева, ни травы, а только терние и волчцы прозябают. При въезде, прежде всего, кидается в глаза городской сад. Но что это за сад? Тут нет дерева, которое не было бы искривлено, изуродовано... Площадь городская есть обширное поле, обставленное деревянными некрашенными домишками» (33).

«...город Колыван хуже порядочного русского села... По мнению моему, городам таким сто раз лучше не быть, дабы проезжие, особенно иностранцы, не имели повода вносить их в путевые свои журналы и распространяться в описании ничтожества их» (41).

В своей нелестной характеристике сибирских городов архиеп. Нил совпадает с их оценкой в сочинениях светских путешественников. Сравним, например, описание губернского города Перми (Пермская епархия вплоть до 1799 г. входила в состав Тобольской, т.е. собственно Сибирской митрополии, и потому даже в начале XIX в. еще могла психологически быть относима к Сибири) у Нила и у Мамина-Сибиряка.

«Пермь – город незавидный и не соответствующий населению и значению Пермской губернии. Улицы в нем широки, но песчаны и дурно застроены. Даже прекрасною рекою Камою горожане донныне не умели воспользоваться. На берегах ее видел я одно нестроение...Собор нового зодчества и замечателен по мраморному своему иконостасу...Кроме сего Пермь не имеет ничего замечательного и отзывается как бы кладбищем...» (7–8), – пишет Нил.

Мамин-Сибиряк как бы вторит ему: «Я думаю, никому даже и в голову не пришло пожалеть о том, что некогда было осмотреть губернский город Пермь, который замечателен тем, что в нем решительно нет ничего достойного внимания... Пароход тяжело повернулся и ходко двинулся вниз по многоводной широкой Каме. На левом берегу раскинулся город, т. е. какие-то развалины около самого вокзала, затем какой-то

деревянный балаган, несколько церквей и заборов; у самой воды стояли соляные магазины и толпились солоноски – жалкие, оборванные здания. Правый, низменный берег был покрыт жалкими кустами. Скоро пароход оставил далеко позади эту неприветливую картину» [Мамин-Сибиряк 1988: 286–287]. Впечатление весьма сходное: нестроение, неумение воспользоваться природными богатствами, унылый вид.

Сибирь на значительном своем пространстве представляется архиеп. Нилу пустой, не дающей ярких впечатлений: «От Обской переправы до Томска слишком 150 верст. Но проехав это протяжение, оставляешь в памяти лишь то, что не видел ничего. Ибо ни один предмет не делает впечатления, могущего занять мысль или чувство» (43). И только Иркутская губерния и сам город Иркутск – место его назначения – получают относительно положительную оценку: «Дорога усеяна, можно сказать, селениями, и притом так устроенными и расположенными, что даже в лучшей из российских губерний поставили бы их в первый разряд» (54). «Вся площадь и весь берег от ворот городских до сада покрыты были народом. И это многолюдство оправдало предомной то мнение сибиряков, что Иркутск есть столица Сибири» (64).

Основная философско-религиозная мысль, пронизывающая все повествование архиеп. Нила, – противопоставление природы и цивилизации. С одной стороны, в первозданной природной простоте сибирских народов архиепископ видит благо: «...до обитателей здешнего края перстом не коснулась европейская техника и ее спутница – роскошь. Желания, труд, заботы определяются здесь условиями первой необходимости. Об этом состоянии человека, что бы ни говорили, но оно имеет и добрую сторону. Ибо природа наделяет человека душевным спокойствием и довольством, которые редко достаются на долю утонченной цивилизации» (139). Но, с другой стороны, эта нецивилизованность оборачивается голодом – и духовным, и физическим. В записках есть потрясающая, по силе своего эмоционального воздействия, сцена: «Чтобы потешить бедняков, приказал я разделить мешок сухарей. Весть об этом подавании стрелой пронеслась по улусу, и берег представил поразительную картину.

Прежде всех явились запачканные ребятишки, в Богом данном человеке costume; за ними – женщины с грудными детьми, напомнившие неряшеством скитающихся цыганок, только без их лукавства; наконец – старики и старухи, вышедшие будто из царства теней. Некоторые тянулись на костылях и даже ползли на четвереньках.

И все это делалось бедняками из-за чаемой ими крохи хлеба. Получивши же, одни всматривались в фигуру сухарей, другие сравнивали их между собою, нюхали и прикушивали, как бы боясь нарушить их целость; иные поднимали к небу и благодарили Бога за ниспосланную им благодатью...

Не только я, но и спутники мои стояли как вкопанные при виде необычайного сего зрелища. Душа моя преисполнилась чувствами, для выражения которых нет слов. Зато воспоминание о них всегда живым будет» (220).

Природа, с точки зрения архиепископа, – «великан», но «сам человек, витающий здесь среди терния и волчцев, носит образ тени, готовой явиться к Харону не сегодня, так завтра» (288).

Но эта пустота Сибири, ее «голод» физический и духовный не пугают путешественника, напротив, он открывает ему обширное поле деятельности. Не случайно во вступлении Нил определяет себя не только как странника, но и как труженика в этой «дальней окраине». В чем заключается для него этот труд? Безусловно, в просвещении края Светом Евангельского Слова (Нил был одним из самых успешных миссионеров середины XIX в.), в труде пастыря.

«Как отвратить для рассеянных по пустыне трудности общения с Церковью, как сблизить их с ней и ее спасительными таинствами?» (227) – задается вопросом архиепископ. Как мы помним, лесковский архиерей, прототипом которого считают Нила, в результате своего многострадального опыта и пережитого им потрясения в якутской «степи», отказывается от «преждевременного», на его взгляд, крещения «темняков», признавая за ними свою, природную религию. Реальный православный владыка, сознавая все трудности и проблемы современного ему миссионерства, тем не менее остается тверд и однозначен в своем видении направления исторического развития северных племен: «...пораномадам нашим начать исход, как из некоего Египта, из облегающего их мрака и идти во след народов, а паче Православной Руси, к нравственному, умственному и материальному преспеянию» (296).

Проблему просвещения Сибири и ее народов архиепископ видит достаточно широко: это не только смена религии, но и изменение всего образа жизни, всей культурной парадигмы, которое невозможно и без изменения внешнего отношения к далекому краю – его восприятию не только как колонии, но и как удивительной по своей красоте и природным богатствам земле. И потому труд для Нила в Сибири – это не только труд проповедника, но и труд ученого. Его записки – один из лучших примеров научного описания Восточной Сибири того времени. Следует отме-

тить, что в своей научности сочинение архиепископа не является чем-то исключительным, но, напротив, полностью вписывается в общий областной литературный контекст. Краеведческий и научный характер был одной из отличительных черт сибирской оригинальной литературы в целом. Сибирь в XVIII–XIX вв. для европейцев была своего рода *terra incognita*, и потому, удовлетворяя интересу читающей публики и, безусловно, самих авторов, даже первые сибирские романы, например И.Т.Калашникова, включали обширный исторический и краеведческий материал, не говоря уже о путевых заметках и дневниках.

Архиепископ Нил проявляет изрядные познания в истории и естественных науках, причем его суждения всегда строго научны, в них нет ничего мистического или символизированного. Так, говоря об истории Сибири, он выказывает свое знакомство с историческими трудами Миллера, Словцова, сибирскими хрониками. Сам размышляет об исторических событиях, прежде всего о походе Ермака и его значении. Любопытно, что легкое покорение Сибири Ермаком, в отличие от церковных летописей, преосв. Нил объясняет не Божьим промыслом, а объективными историческими причинами, прежде всего племенной разобщенностью местного населения (29).

Обращается автор и к событиям недавней истории. «...Урик памятен для меня тем, что в мое время проживали там, в качестве поселенцев, некоторые лица, которых, около 1826 г., судьба кинула на край света, чтобы искупить грехи молодости своей. Беседа с таковыми была взаимно полезна. Утешая верою и упованием на Господа печальных, в собственном деле находил я утешение, видя, что семя слова сеется не втуне. С другой стороны, и утешаемые, духом терпения своего, не раз давали ощущать, как сила Божия в немощи совершается, и как верно то высокое, в ряду существ, значение человека, которое искони приписывалось ему...» (68). «Некоторые лица» – это декабристы. И хотя автор прямо не выражает своего отношения к ним, избранные им слова говорят сами за себя: в них видится глубокая симпатия и уважение к участникам восстания. В далекую Сибирь их «кинуло» не преступление, но «грехи молодости»; их путь – это путь «искупления», на котором они проявляют и «дух терпения», и «высокое назначение человека», и «немощь», в которой «сила Божья». Сам же пастырь не порицает грешников, но «беседует» с ними, находя и для себя эту беседу полезной. Наконец, определение «печальные» созвучно «несчастливым», характерному общенародному наименованию ссыльных и заключенных.

Но главный научный интерес архиеп. Нила составляет не история, а геология. Как известно, владыка увлекался этой наукой и имел глубокие познания в минералогии и даже оставил ценную коллекцию минералов. Научные заслуги Нила были оценены еще при его жизни: в 50-е гг. он был избран почетным членом Русских археологического и географического обществ, а также Санкт-Петербургского университета. Своими «Путевыми записками», в которых он указывал на многие, еще неизвестные науке месторождения, преосв. Нил рассчитывал быть полезным специалистам-геологам.

Приведем пример собственно научного описания из записок: «Верстах в пяти от станции Петровской замечено мною на левом берегу большое скопление рогово-обманковой породы и амфибола. Минерологам и геологам известно, что эта горная порода не редкость в царстве ископаемого. За Байкалом она повсюду и составляет собой главную основу базальтов, сиенитов, порфиоров, диоритов и многих других пород. Здесь, напротив, обманка – hornblende, amphibole – является жилами и пластами, среди пород вовсе чуждых для нее. И по этой только причине почел я нужным упомянуть об этом продукте, чтоб дать другим случай взглянуть на место сие глазами более опытными» (98). Архиепископ использует специальную научную терминологию, высказывает предположение об образовании тех или иных пород, объясняя все процессы сугубо естественными причинами: воздействием воды, ветра, климата, свойствами почвы.

При этом научное изучение Сибири для архиепископа – не просто увлечение, для него это обязанность каждого образованного человека и проявление патриотизма. Не случайно записки содержат прямую критику современного Нилу состояния науки о Сибири: «Заводить речь о путешественниках, посетителях стран чуждых для России, не имеем мы ни причины, ни надобности... Для людей сего рода, ровно как для китайцев и японцев, в странах русских нет ничего заслуживающего внимания, а тем горше – приятного и полезного... Но не тяжко ли слышать, что и русские ученые, начавшие, с 1638 г., по обязанностям своего звания посещать дальние окраины Сибири, не написали о них почти ничего дельного.

Горным хребтам дано направление, существующее только в воображении; речки, впадающие в Олекму, с правого берега перенесены на левый и обратно. А об истоках их, направлении течения и минералах, обретающихся в прибрежье и руслах их, помину нигде нет. Между тем как обширные страны сии способны поспорить с

древнею Колхидою, и давно ждут второго Язона, чтобы наделить его золотым руном» (442–443).

Но записки архиеп. Нила – это не только научное описание Сибири. Это и *литературное путешествие*. Подобное соединение научно-документального и художественного начал характерно для путешествия как жанра. Основания для определения записок Нила как художественного текста дают и прекрасный литературный язык, и композиционная целостность текста, а главное – образ самого путешественника, который раскрывается не только как естествоиспытатель, но и как вдохновленный необычайным разворачивающимся перед ним пространством тонкий лирик и живописец.

Все описания северной природы эстетически организованы, по сути они представляют собой целостные живописные полотна: «Говорю о кряже, известном под именем Столбов и уже на пути к Синскому показывающем исполинские ребра свои. Пред Синским же хребет сей является в дивном величии своем. Но чтоб постигнуть оное, надлежит быть в тех благоприятных условиях, в каких нам быть довелось. Благоприятство же в том состояло, что, при зеркальной чистоте воздуха, лучи утреннего солнца ударяли прямо в утесы. Под влиянием такого света охристые скалы казались багряновидными. Фантастические их формы, обыкновенно скрывающиеся в густоте атмосферы, стояли перед нами будто на картине, изменяя постоянно свето-тени свои... Напрасно пытался я привести к началу единства зримые мною формы. С каждою переменной со стороны зрителя позиции, видоизменяется перспектива, представляя новые и новые виды» (255).

Созерцая величественную и дикую приленскую природу, иерарх часто испытывает состояние поэтического вдохновения: «Полночь. Стоим у Туруцкой деревни. На берегу под утесом пылают костер. Одни греются, другие хлопчут о скорейшем приготовлении ужина. Но из пустыни великой, из лесов дремучих голоса живого до нас не доходит. Катится лишь луна над нашей головой. А гор густая тень, у ног ложась, будто говорит нам: Erectos ad sidera tolle vultus – в мир звездный взор свой устремляйте (Ovid.in Metamorph).

В кораблике моем горит свеча; на столе лист бумаги, готовый к принятию ощущений моих. Каковы же в эту пору ощущения? Думаю, они не далеки от тех, которые водили пером Юнга, когда писал он ночи свои; или же от тех, воодушевленный которыми Овидий сказал о человеке:

Mente Deos adiit, et quare natura negavit
Visibus humanis, oculis ea pectoris hausit
Он к Богу мыслию восходит,
А сердцем ощущает,

Чего не досягает

Очей его взор бранный». (129–130)

Текст архиеп. Нила насыщен цитатами из латинской литературы, преимущественно Овидия и Горация (тексты даются с переводами, и некоторые из них, на что есть прямые указания в тексте, выполнены самим преосвященным), а также другими аллюзиями из европейской литературы, живописи, истории, с помощью которых он образно передает свои путевые впечатления. «Снявшись с якорей и обогнув скучный мыс, очутились на широте Ленских вод. В этот момент увидели мы перед собой ландшафт, достойный кисти Брюллова, Калямы, Айвазовского и подобных. Готические храмы и замки, Вавилонские стены, Египетские пирамиды, изумляющие колонны, портики, достойные лучших времен Греции и Рима, наконец, колоссальные произведения древнего зодчества, с мифами и фантазией исчезнувшего для нас мира – все это, как на выставке, является в Столбовской панораме» (255, 258). Все ассоциации и обобщения основаны на богатом культурном контексте, свидетельствующем о высокой личной образованности церковного иерарха, причем образованности именно светской направленности.

Однако увлечение античной поэзией и светским искусством не делает для автора «Записок» менее органичной стилистику собственно церковной, риторической и проповеднической по своему духу, литературы. Архиепископ Нил часто прибегает, например, к такому, берущему основание еще в Библии, стилистическому приему, как парабола, цель которой – в непосредственных впечатлениях и образах действительности обнаруживать нравственные или духовные параллели. Так, вид горы белого сыпучего песка наталкивает архиеп. Нила на такие размышления: «Нет сомнения, что гора эта юнее красноцветной своей соседки. Но последняя, хотя и преклонивши чело свое над Леною, стоит, но стоит недвижимо. Напротив, песчаная масса сползает в реку и, обмеляя ее, сама низится с каждым годом. Подобное видим и в мире нравственном. Кто живет во вред другим, не может не вредить и себе. Ибо известно, что *a vitiiis in grava, a pravus in praecipitia pervenitur* – порок сперва вредит, потом к гибели приводит» (92). В этом смысле стиль преосв. Нила может быть сопоставлен со стилем святителя Тихона Задонского, чье знаменитое «Сокровище духовное от мира собираемое» практически полностью выстроено на подобных сопоставлениях: «Когда солнце зайдет, ночь и тьма бывает. Тогда люди не видят ничего, не отличают одной вещи от другой, и ходят, как слепые, в ров падают, и не знают, как уклониться от вреда. Таково состоя-

ние тех душ, в которых свет Христов не воссиял!» или «Дети от отца рождаются. Так и христиане, люди обновленные и сыновья Божий по благодати, рождаются от Бога» [Тихон Задонский Т.2. 2003: 18].

Следует признать, что «Записки», в которых научные статьи соединяются с лирическими медитациями, несколько эклектичны по стилю. Но эта эклектика опять-таки является практически нормой для жанра путешествия. Однако, несмотря на пестроту стиля, повествование в книге архиеп. Нила строится не хаотично. Внешний сюжет предопределен продвижением автора в глубь Сибири: сначала от Вятки до Иркутска, а затем по реке Лене до Якутска и обратно и посещением лежащих по дороге селений и храмов. В повествовании можно выделить отдельные завершённые эпизоды: беседы с инородцами или описания происшествий на пути (например, кораблекрушения, чуть не приведшего к трагедии). Однако в книге есть и внутренний сюжет. Можно сказать, что это сюжет постепенного приятия автором Сибири: с одной стороны, он раскрывается в исполнении заранее принятых им на себя ролей – пастыря, странника и труженика, преобразующих и сакрализирующих пространство; с другой стороны, в преодолении той оппозиции своего и чужого, которая изначально определяла восприятие Нилом Сибири.

Если в первой части «От Вятки до Иркутска» суждения Нила были весьма предвзяты, то в «Путешествии в Якутский край» и «От Якутска до Иркутска», описывающих события лета 1843 г., взгляд автора на сибирское пространство, в которое он войдет уже и душевно, и физически, воспримет как «свою» епархию, станет более позитивным. И именно тогда в полной мере проявится научный и поэтический талант архиепископа. Немало изменению этого взгляда способствует, как нам кажется, перемена самого способа передвижения. Если от Вятки до Иркутска архиепископ путешествует в комфортном экипаже и города «проплывают» мимо него, как картины, то, пускаясь в трудное и опасное плавание по Лене в ненадежном баркасе, архиепископ вступает в совершенно иные, более тесные отношения с пространством. Позиция наблюдателя сменяется позицией первопроходца и естествоиспытателя – и борющегося с сибирской природой, и восхищающегося ей.

Завершая свое многотрудное путешествие и обозревая обратный путь, Нил говорит об особом ощущении преодоленного им пространства, его грандиозности: «Не могу не сознаться, что, оставляя Якутскую область, чувствовал я непонятную для меня самого грусть. Не заключалась ли таинственная причина в безмерности ее про-

странства. Ибо известно, что все абсолютно великое, начиная от мира звездного до океана и пустынь Ливийских, безотчетно влечет к себе взор и внимание человека и никогда собой не наскучивает» (430). И это уже совершенно иной взгляд на Сибирь, нежели тот, что был у просвещенного европейца, когда он только вступал на ее границу. Тот «объем» величественной и суровой красоты, которую вмещает в себя за время своего путешествия владыка, очевидно, меняет его отношение к Сибири и меняет что-то внутри него самого.

Эти мотивы странствия, испытания, преодоления долгого пути к цели, в котором видится искупление грехов, наконец, столкновения с чем-то великим, превышающим человеческую меру вещей, и пережитое в результате этого очищение и преображение, на наш взгляд, пусть и в трансформированном, но отнюдь не искаженном виде, напоминают сюжетную схему христианского паломничества.

Довольно распространенным в науке и общественном сознании является представление о том, что в результате петровских реформ русская культура раскололась и между светской и церковной литературой пролегла непроходимая пропасть. Но, как отмечает архиеп. Филарет (Гумилевский) в «Обзоре духовной литературы», в XVIII–XIX столетиях церковная литература не замкнулась в себе, напротив, она развивалась и развивалась по направлению именно литературы светской: постепенно «область духовной литературы расширилась, вошла в соприкосновение с предметами образования светского» [Филарет 1863: 1]. Особенно активно две традиции – церковная и светская – стали сближаться в середине XIX в. Знаком такого сближения стало, прежде всего, появление церковной журналистики, а также мемуарной литературы, опирающейся на систему светских документальных жанров.

«Записки» архиеп. Нила, на наш взгляд, – яркий пример подобного синтеза: с одной стороны, в них реализуются все основные черты путешествия как жанра светской литературы (опора на личные впечатления автора, соединение научного и художественного начал, философские обобщения и т.п.); с другой – Нил сохраняет связь с традициями церковной литературы, и в частности с жанрами проповеди и паломнического хождения.

Во вступлении автор говорит: «Книгу свою читателю посвящаю». Читатель, на которого ориентируется архиеп. Нил, – это не обязательно представитель духовного сословия, скорее, наоборот, это светский читатель, образованный европеец, не чуждый научных интересов, а в некоторых случаях – это ученый – специалист в

области географии и геологии, которому книга просвященного могла бы послужить своего рода справочным пособием и указателем. В то же время это и поэтически настроенный читатель, способный к эстетическому восприятию мира. Наконец, это читатель-философ, задумывающийся о судьбах своего отечества, в том числе и самых отдаленных его окраин. Все это, безусловно, применимо и к самому автору «Записок», в которых он предстает как блестяще образованный человек, обладающий глубокими научными знаниями и интересами, прекрасно владеющий пером, знающий языки и литературу, широко мыслящий и поэтически одаренный – и все это в освящении «светлого взгляда» православного проповедника и миссионера.

Сами же «Записки», на наш взгляд, должны рассматриваться не только в рамках собственно церковной литературы, но и как одно из выдающихся произведений русской литературы в целом, сопоставимое с другими шедеврами жанра путешествия.

Примечания

¹ Одним из наиболее объективных и в то же время компромиссных определений, учитывающих всю возможную вариативность путевого жанра, можно считать определение В.М.Гуминского, посвятившего разработке этой проблемы две диссертации. Именно его определение включено в «Литературный энциклопедический словарь» (1987) и «Литературную энциклопедию терминов и понятий» (2001). «Путешествие – литературный жанр, в основе которого описание путешественником (очевидцем) достоверных сведений о чем-либо, в первую очередь незнакомых читателю или малоизвестных, странах, землях, народах в форме заметок, записок, дневников журналов), очерков, мемуаров. Помимо собственно познавательных, путешествие может ставить дополнительные – эстетические, политические, публицистические, философские и другие задачи; особый вид литературных путешествий – повествования о вымышленных, воображаемых странствиях, с доминирующим идейно-художественным элементом, в той или иной степени следующие описательным принципам построения документального путешествия» [Гуминский 1987: 314–315].

² Нил (Исакович), архиеп. Путевые записки: в 2 ч. Ярославль, 1874. Далее ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках с указанием номера страницы.

³ В начале повести «Владычный суд» Н.С.Лесков упоминает свой рассказ «На краю света», вызвавший неоднозначные оценки в критике, и в подтверждение достоверности описан-

ных в нем событий приводит тот факт, что в основу были положены воспоминания реального лица, известного иркутского епископа – преосв. Нила (Исаковича), который *сам* рассказывал «*бывшее с ним* происшествие» известному промышленнику В.А.Кокореву, а тот, в свою очередь, пересказал услышанное писателю (Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 11 т. М., 1957. Т.6. С.89).

⁴ Тот, факт, что преосв. Нил мог быть прототипом главного героя рассказа, вызывал сомнения еще у современников архиепископа: «...как ни прямо и решительно указание г. Лескова на недавно почившего архиепископа Нила как героя рассказа, все, знавшие покойного, положительно скажут, что во всем рассказе нет ни одной черты сколько-нибудь на него похожей. Преосвященный Нил, в противоположность тому, что рассказывается о нем, когда служил в Сибири, слишком высоко смотрел на свое положение, и мы не знаем ни одного архиерея, который бы окружал себя такой толпой, как он, особенно во время своих редких поездок по епархии. Убеждения его, выражавшиеся в делах его, также хорошо всем известны, чтобы можно было найти в них хотя что-нибудь похожее на то, что ему приписывается в рассказе» (С края света ответ г. Лескову на рассказ его «На краю света» // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1877. №11 (12 марта). С.142). Приведенное выше высказывание явно предвзято, и ему не следует полностью доверять, хотя бы уже потому, что поездки преосвященного по епархии нельзя назвать «редкими»: за время своего пятнадцатилетнего управления Иркутской епархией Нил выезжал для ее обозрения более 13 раз, т.е. почти ежегодно. Однако буквального совпадения обстоятельств этих поездок с историей из рассказа

«На краю света» действительно иметь не могли, уже хотя бы потому, что (за исключением одной, с 15 по 28 февраля 1842 г.) они предпринимались владыкой в летние месяцы. Нет ничего похожего на центральный эпизод рассказа – спасение епископа якутом – и в «Путевых записках». Однако, как представляется, правильнее всего прислушаться к мнению самого Лескова, который признает, что в рассказанном им случае «всего замечательнее» не буквальные совпадения, но «светлый и ясный взгляд» архиеп. Нила на мир и человека.

Список литературы

Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 300 с.

Гуминский В.М. Путешествие // Литературный энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1987. С.314–315.

Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 12 т. М.: Правда, 1989. Т.1. 479 с.

Мамин-Сибиряк Д.Н. От Урала до Москвы // В Парме. Писатели о Перми. Литературные публикации. XVIII–XIX века. Пермь, 1988. С.286–287.

Нил (Исакович), архиеп. Путевые записки: в 2 ч. Ярославль, 1874. 503 с.

Тихон Задонский, святитель. Сокровище духовное от мира собираемое. М.: Святоотеческое наследие, 2003. Т.2. 952 с. URL: <http://www.dyhf.ru/book-svt.tihon-tom2.pdf> (дата обращения: 30.08.2012).

Филарет (Гумилевский), архиеп. Обзор русской духовной литературы. 1720–1858 (умерших писателей). Кн. вторая. Изд. 2-е, доп. Чернигов, 1863. 311 с.

MISSIONARY, INVESTIGATOR, PHILOSOPHER, POET: THE IMAGE OF THE AUTHOR-TRAVELLER IN “NOTES OF A JOURNEY” BY ARCHBISHOP NILUS (ISAKOVICH)

Sofia V. Melnikova

Reader of Literature and Russian Language Department
Perm State Institute for Arts and Culture

Archbishop Nilus (Isakovich) is known in literary studies as a prototype of the hero in N.S. Leskov's story “At the World's End”. The present article is an attempt to present Archbishop Nilus out of the Leskov's context as an original spiritual writer of the middle of the XIXth century. The focus of attention is the autobiographic “Notes of a journey” devoted to Siberia. This work is one of the best descriptions of Eastern Siberia of that time, comparable to masterpieces of the genre of notes of a journey. The author's target audience is not only clergy, but also a secular reader. In the analysis of the work the main emphasis is put on the author-traveller's character, whose versatility and breadth of views reflects not only his talent, but speaks for a high educational and cultural level of the Orthodox clergy in general.

Key words: Archbishop Nilus; ecclesiastical and secular literature; notes of a journey; problem of the genre; image of the author.